

Волостная община и поземельное устройство.

Поземельное устройство, предпринятое въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ и въ Забайкальской области и производящееся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, затрагиваетъ, какъ это и само собою понятно, многія весьма существенные интересы почти всего сельского населенія Сибири, не исключая и инородцевъ, кромѣ такъ называемыхъ бродячихъ, которыхъ поземельно-строительныя работы, пока что, не касаются. Я скажу даже больше: поземельное устройство имѣеть дѣло съ самыми основами экономического благосостоянія почти всей массы крестьянского и инородческого населенія Сибири. А если это такъ, если поземельному устройству принадлежитъ столь важная и опредѣляющая роль, то оно не можетъ, конечно, игнорировать всѣ тѣ многочисленныя особенности—бытовыя и экономическія—которыми отличается русско-инородческое населеніе Сибири: эти особенности должны быть принимаемы во вниманіе, и поземельному устройству съ ними приходится считаться.

Къ числу именно такихъ бытовыхъ особенностей, между прочимъ, принадлежать и сложныя формы общиннаго владѣнія и пользованія землею. Это, можетъ быть, требуетъ нѣкотораго поясненія.

Сибирь почти не знала до послѣдняго времени иной формы владѣнія и пользованія землей, какъ общинная или общинно-родовая. И ей извѣстны не только простѣйшія формы общиннаго владѣнія и пользованія землею, но и формы весьма сложныя, охватываются не только отдѣльные селенія, но и цѣлые группы ихъ, иногда весьма значительныя—въ десять, двадцать и болѣе поселеній.

Поземельному устройству приходится имѣть дѣло съ

фактомъ сложнаго владѣнія и пользованія общинной землею, и обойти его оно не имѣть рѣшительно никакой возможности. А это далеко не такъ, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ не всегда такъ просто.. Правда, весьма часто съ мелкими сложными общинами въ 2—3 селенія агенты поземельного устройства управляются легко и просто, прекращая сложное пользованіе общины и приводя его къ подревенному пользованію. Легкость и простота въ такихъ случаяхъ объясняется не только тѣмъ, что агенты поземельного устройства руководствуются прямымъ требованіемъ закона о поземельномъ устройствѣ *) но главнымъ образомъ тѣмъ, что процессъ подревенного обособленія въ мелкихъ общинахъ часто въ достаточной степени обозначился уже и самъ по себѣ, помимо всякой поземельного устройства, которому, въ большинствѣ случаевъ, приходится лишь закрѣпить своими дѣйствіями тѣ фактическія измѣненія, которыхъ уже ранѣе произведены самой жизнью, или ею уже опредѣленно намѣчены. Этимъ и объясняется, что имѣя дѣло съ мелкими составными общинами, процессъ подревенного обособленія, который почти по всюду въ Сибири сдѣлалъ большиe успѣхи, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ и не встрѣчаетъ серьезныхъ затрудненій ни въ смыслахъ техническаго выполненія задачи по разбивкѣ общей дачи на нѣсколько подревенныхъ отрубовъ, ни въ смыслѣ сопротивленія самихъ общинниковъ, для которыхъ обособленіе подревенного пользованія является уже только желательнымъ.

Совсѣмъ иное должно наблюдаться тамъ, гдѣ поземельное устройство сталкивается съ сложными общинами, иногда весьма крупными, охватывающими цѣлые волости, гдѣ процессъ подревенного общинного обособленія или не намѣчался еще вовсе, или гдѣ онѣ еще въ достаточной степени слабы, чтобы выставить за себя серьезную защиту внутри самой общины. Здѣсь не только техническія затрудненія по размежеванію земель крупной общины достигаетъ крайней степени, но встрѣчаются затрудненія и иного свойства, затруд-

*) „Земельные надѣлы отдаются каждому селенію особо, за исключеніемъ случая, указанного въ стр. 4^а. Ст. 2 Высоч. утвержд. 4 июня 1898 г. Правиль о порядкѣ опредѣленія земельн. надѣловъ.

иенія, лежащія въ самой общинѣ, надъ землями которой приходится оперировать поземельному устройству: крупная сложная община, къ числу которыхъ относятся и такъ называемыя волостныя общины, часто совершенно нерасположена къ измѣненію существующихъ общинныхъ отношеній, а потому и не можетъ сочувствовать раздѣлу ея общинной территоріи на поселенные отрубы, или же ея отношение къ поземельному устройству является двойственнымъ,—въ то время, какъ часть составляющихъ ее единицъ—селеніе—стремится къ раздѣлу и общинному обособленію, другая, съ неменьшей, а часто и съ большей энергией отстаиваютъ данный порядокъ, напрягаетъ свои силы, чтобы сохранить свои общинные отношенія неприкословенными.

Въ какой мѣрѣ вопросъ этотъ, т. е. вопросъ о необходимости, при извѣстныхъ условіяхъ, сохраненія при поземельномъ устройствѣ крупныхъ сложныхъ общинъ, въ частности общинъ волостныхъ, или напротивъ, прекращенія сложного, въ частности волостнаго владѣнія и пользованія труденъ, это можно видѣть хотя бы изъ того факта что, напр., въ Тобольской, губерніи, гдѣ волостная община, кой-гдѣ сохранилась еще и теперь, не установилось опредѣленного отношенія къ ней въ средѣ самихъ даже землеустроителей, которые, казалось бы, ближе всего имѣли возможность выработать опредѣленную точку зрѣнія на вопросъ. Между тѣмъ въ этой средѣ наблюдается та же двойственность отношенія къ крупнымъ сложнымъ общинамъ, что и въ средѣ самихъ общинниковъ, о чёмъ упоминалось выше: въ то время, какъ одни склоняются къ мнѣнію о вредѣ насильтственного разрушенія волостной общины, а потому и къ необходимости оставить ее въ ея теперешнемъ видѣ и производить надѣль цѣлымъ волостямъ,—другіе видятъ настоящую необходимость въ прекращеніи дальнѣйшаго волостнаго владѣнія и пользованія черезъ отводъ самостоятельныхъ надѣловъ каждому селенію отдельно. Ту же двойственность отношенія къ крупнымъ сложнымъ общинамъ наблюдаемъ и въ средѣ представителей мѣстной администраціи, имѣющей отношенія къ крестьянской жизни.

Между тѣмъ текущая дѣйствительность требуетъ опредѣленности отношенія къ данному явлению, опредѣленности точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ относиться къ частнымъ

конкретнымъ случаемъ. Въ какой степени чувствуется необходимость такой точки зрѣнія даже въ сферахъ, имѣющихъ дѣло съ волостными общинами въ связи съ поземельнымъ устройствомъ, доказывается тѣмъ, что Высочайше назначенная комиссія подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Кублицкаго-Шютухъ по вопросу объ ускореніи поземельно-строительныхъ работъ въ Сибири отвела въ своихъ обслѣдованіяхъ, производившихся лѣтомъ 1904 года, видное мѣсто выясненію отношеній поземельного устройства къ волостнымъ общинамъ.

Двойственное отношеніе къ волостной общинѣ не можетъ быть отнесено къ случайнымъ, но объясняется тѣмъ положеніемъ, какое принадлежитъ этой формѣ общинаго землевладѣнія и землепользованія въ той или другой мѣстности относительной крѣпостью и устойчивостью самой общины въ томъ или иномъ частномъ случаѣ. Я совершенно игнорирую въ данный моментъ предвзятые точки зрѣнія, не обусловливаемыя реальными отношеніями, а черпающія свою обосновку изъ чисто абстрактныхъ построений, хотя имъ и принадлежитъ болѣе или менѣе видное мѣсто во всѣхъ обсужденіяхъ грядущей судьбы волостной общины, какъ и всѣхъ другихъ общинныхъ формъ владѣнія и пользованія землей нашимъ крестьянствомъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я нахожу необходимымъ остановиться нѣсколько на выясненіи вопроса, что такое волостная община, въ чемъ ея особенности и отличія отъ другихъ общинныхъ формъ.

Съ принципіальной точки зрѣнія, волостную общину, по крайней мѣрѣ такую, какая пока извѣстна въ литературѣ о Сибири, нельзя выдѣлять въ качествѣ особаго самостоятельнаго типа общины или одной изъ стадій въ развитіи общинныхъ формъ пользованія землею. Сибирская волостная община ничѣмъ не отличается отъ всякой другой *сложной* общины, т. е. такой, въ составѣ которой входитъ болѣе одного селенія. Обыкновенно подъ волостной общиной въ Сибири понимается сложная община, границы которой совпадаютъ съ границами волости, единицы, какъ извѣстно, не земельной, а административной, и только административной. Совпаденіе это ничуть не отражается и ни малѣйшимъ образомъ не вліяетъ на земельныя отношенія какъ

внутри самой сложной общини, такъ и ея отношенія къ другимъ окружающимъ—простымъ и сложнымъ—общинамъ. Дѣло въ томъ, что единица земельная—сложная община—и единица чисто административная—волость,—совпадая въ границахъ, не имѣютъ между собою ничего общаго и не стоятъ ни въ какой связи.

Но волостная община, какою мы ее знаемъ въ Сибири, можетъ быть даже и не сложной, а сельской, или, правильнѣе, однодеревенской, такъ какъ терминъ сельская община можетъ вести къ смѣшенню съ сельскимъ обществомъ, т. е. опять-таки съ единицей не земельной, а административной. Въ Сибири есть волости, замыкающіяся *однимъ* селеніемъ,—въ Алтайскомъ округѣ такихъ волостей нѣсколько. И вотъ говоря о земельной общинѣ такой волости, можно съ не-меньшимъ правомъ и къ ней приложить терминъ волостной, и это будетъ столь же логично, какъ прилагаютъ его въ томъ случаѣ, когда волость состоитъ изъ многихъ селеній, образующихъ одну общину. Но эта волостная община будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однодеревенская, а еще лучше—и сельская.

По формѣ это, конечно, совершенно правильно, по существу же нелѣпость, т. к. сельская община непремѣнно простая, т. е. состоящая изъ одного селенія, однодеревенская, а волостная—непремѣнно составная, сложная, т. е. обнимающая собою болѣе одного селенія. И нелѣпость эта проистекаетъ изъ того, что у насъ иногда смѣшиваются понятіе объ общинѣ—союзѣ земельномъ, въ одномъ случаѣ простомъ, въ другомъ—сложномъ—съ понятіемъ объ единицахъ административныхъ—сельскомъ обществѣ и волости, хотя община и сельское общество, община и волость могутъ между собою и совпадать въ границахъ, но функции ихъ не имѣютъ между собою ничего общаго. Между тѣмъ эта словесная путаница часто влечетъ за собою весьма серьезныя послѣдствія—путаницу самыхъ представлений и стремленіе воплотить ее въ реальныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, съ принципіальной точки зрѣнія, такъ называемую волостную общину слѣдуетъ разматривать только какъ составную, сложную общину, совершенно независимо отъ того, совпадаютъ или не совпадаютъ ея границы въ волостью, такъ какъ случай совпаденія не придаетъ ей

ни одной новой черты, какой бы она не обладала уже сама по себѣ.

Есть мнѣнія, что волостныя общины обязаны своимъ возникновенiemъ такъ называемому „административному творчеству“ и, еще можно сказать на дніяхъ, появилась въ свѣтѣ работа А. Н. Ушакова—„Судьба волостныхъ владѣній въ Тобольской губерніи“ *),—въ которой авторъ стремится доказать, что „общеволостное владѣніе“ въ Тобольской губерніи „привито извнѣ“, что оно „въ подражаніе генеральному межеванію оставлялось крестьянству, когда правительство незаинтересовано было размежеваніемъ волостной дачи, называлось, когда землемѣръ спѣшилъ составить проектъ, и когда инстанція желала скорѣе отдалиться отъ назойливыхъ ходатайствъ и претензий крестьянъ, желавшихъ получить каждому то, что слѣдуетъ по закону“ и т. д. Тутъ уже даже не чиновничье творчество, выдумавшее и создавшее общину въ видахъ болѣе удобнаго взысканія съ населенія разнообразныхъ податей и поборовъ, какъ нѣкоторые наши ученые объясняютъ происхожденіе русской земельной общины, а простая, заурядная чиновничья небрежность и не добросовѣстность, самое заурядное чиновничье стремленіе какъ-нибудь поскорѣе увильнуть отъ внимательнаго выполненія работы,—и оно то въ своемъ результатаѣ дало... „волостную общину“, съ которой чиновникамъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, снова „устраивающихъ“ злополучное сибирское крестьянство, приходится такъ много хлопотать! Оказывается, что „волостная община“, какъ поганый грибъ разрастается на тучной почвѣ чиновничей лѣни и небрежности, вдругъ обнаружила черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ неожиданную живучесть, передъ которой новые чиновники если не пасуютъ въ своемъ стремлениі къ бюрократическому творчеству, то все-таки останавливаются съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и вопросомъ.

Между тѣмъ никакому недоумѣнію не было бы места и не возникло бы никакихъ вопросовъ, если бы къ тому же самому явленію подходили просто, безъ предвзятаго мнѣнія, если бы внимательно взглянули на него во всемъ его

*) «Ежегодникъ Тобольского губернского музея», вып. XIV. Тоб., 1905 года.

цѣломъ, а не съ одной какой-нибудь острой стороны, хотя бы потому, что одна сторона, какъ ни вертись, какъ ни напягивай объясненій, въ концѣ концовъ все-таки лишь только одна сторона.

Всѣ новѣйшія изслѣдованія общинъ въ Сибири единодушно приводятъ къ одному и тому же выводу относительно происхожденія сложныхъ формъ общинъ: въ основѣ ея лежитъ разселеніе изъ первоначального пункта части жителей и образованіе ими новыхъ поселеній, при сохраненіи земельной связи съ пунктомъ выселенія. Обязательнымъ условиемъ образованія сложной общинѣ является наличность известной степени многоземелья, окружающаго первоначальный пунктъ, изъ которого шло разселеніе, такъ какъ только при этомъ условіи возможно разселеніе съ сохраненіемъ земельной связи между вновь возникающими поселеніями и выдѣлившимъ ихъ ядромъ. Основнымъ двигателемъ по разселенію изъ общинѣ части ея членовъ и образованію новыхъ населенныхъ пунктовъ, сохранившихъ земельную съ нею связь, т. е. къ образованію сложныхъ формъ общинѣ, служить возрастаніе населенія общинѣ и стремленія ея вслѣдствіе этого къ расширенію своихъ границъ, чтобы удержать уровень благосостоянія и возможности прилагать свой трудъ къ землѣ для каждого своего члена на прежней высотѣ.

Я не буду здѣсь развивать подробно процессъ образованія и развитія сложныхъ формъ земельной общинѣ,—желающихъ ближе ознакомиться съ сложными формами общинѣ въ Сибири я рекомендую обратиться къ работамъ А. А. Кауфмана, г. М. Кроля, Филимонова и др. новѣйшихъ изслѣдователей сибирской общинѣ. мнѣ лично еще недавно приходилось говорить по тому же поводу въ „Русскомъ Богатствѣ“ *). Здѣсь достаточно сказать, что и въ настоящее время образованіе общинѣ вообще, въ частности же ея сложныхъ формъ не заключаетъ въ себѣ ничего таинственного, для объясненія чего нужно прибѣгать къ сомнительнымъ гипотезамъ искусственнаго насажденія общинѣ и созданію легенды о бюрократическомъ творчествѣ въ области основныхъ формъ народной жизни, — изученіе условій народной жизни, въ

*) „Рус. Бог.“, кн. 5 за 1904 г.: „Схема образованія и развитія формъ земельной общинѣ“.

частности земельной общины, накопило уже достаточно фактовъ, позволяющихъ далеко отбросить всѣ подобные гипотезы и легенды, какъ шелуху, только мѣшающую видѣть предметъ въ его дѣйствительныхъ очертаніяхъ*).

Кто знакомъ съ образованіемъ сложныхъ общинъ, для того, конечно, ясно, что волостныя общины Тобольской губерніи не потому возникли, что крестьянству „навязано“ было межевыми чинами „волостное владѣніе“ вслѣдствіе нерадивости и небрежности при работахъ, и не межевыми работами, какъ бы онъ ни производились, обусловливается существованіе волостныхъ общинъ, съ остатками которыхъ поземельное устройство столкнулось въ этой губерніи. Крупные сложные общины въ Тобольской губерніи существовали и до межевыхъ работъ средины прошлаго столѣтія, межеваніе же этого времени могло только на себѣ отразить уже сложившіяся общинныя формы, и это то отраженіе и сказалось въ томъ, что надѣлы отводились не въ поселенныхъ отрубахъ, что нарушило бы интересы сложной формы общинного владѣнія землей, а въ крупныхъ площадяхъ, охватывающихъ цѣлые волости. Да и развѣ въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія общинная жизнь въ Сибири такъ уже считалась съ результатами межеванія, съ установленными ими границами? Когда онъ не отвѣчали интересамъ общинъ, она ихъ просто игнорировала, устанавливая свои собственные границы, которая въ Тобольской губерніи получили очень характерное название „любительскихъ“, въ отличіе отъ „казенныхъ“, „межевыхъ“. Сложная, а въ частности и волостная община, занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду постепенно развивающихся формъ общинного владѣнія землею, что одно уже свидѣтельствуетъ объ ея не случайномъ происхожденіи.

Но оставимъ увлеченія г. Ушакова чиновничимъ твор-

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы обратить вниманіе читателя на пре-
восходную статью А. А. Кауфмана „Документы и живая история рус-
ской общины“, къ сожалѣнію, мало извѣстную большинству читателей,
благодаря появлению въ малочитаемомъ и еще менѣе пользующимся
симпатіями читающей публики журналъ — органъ министерства народ-
наго просвѣщенія. Въ этой статьѣ почтенный изслѣдователь сибирской
общины какъ разъ даетъ оцѣнку подобныхъ псевдо-научныхъ гипотезъ
и легендъ.

чествомъ въ области созданія „волостного владѣнія“ въ Тобольской губерніи и взглянемъ на тѣ отношенія, въ какихъ къ сложнымъ (а слѣдовательно, и волостнымъ) общинамъ стонть законъ о поземельномъ устройствѣ, такъ какъ это поможетъ намъ кое-что выяснить въ современной постановкѣ вопроса объ общинѣ этого рода.

Составители проекта закона о поземельномъ устройствѣ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ крестьянскаго и ино-родческаго населенія не могли не предвидѣть, что будущему поземельному устройству придется имѣть дѣло съ сложными формами земельной общины, такъ какъ выработкѣ законопроектовъ предшествовало мѣстное обслѣдованіе бытовыхъ и экономическихъ условій населенія этихъ губерній, въ частности же изслѣдованіе и формъ землевладѣнія и землепользованія, давшее богатѣйшій и совершенно неожиданный фактическій материалъ, благодаря которому былъ пролитъ яркій свѣтъ на многія ранѣе весьма неясныя стороны эволюціи общинѣ.

По первоначальному проекту, выработанному въ канцеляріи иркутскаго генераль-губернатора Горемыкина, предполагалось, что „общества поселянъ разныхъ наименованій, каждому изъ которыхъ долженъ быть отведенъ особый надѣль и выдана отдельная владѣльная запись, могутъ состоять или изъ одного селенія каждое, или изъ нѣсколькихъ; но послѣднее допускается лишь въ томъ случаѣ, когда эти нѣсколько селеній всѣми угодьями или частью ихъ владѣютъ сообща и нераздѣльно или череззолосно и, слѣдовательно, составляютъ въ земельномъ отношеніи одно цѣлое, одну общину“.

Въ этомъ положеніи не было ничего новаго, такъ какъ оно цѣлкомъ взято изъ закона 31 марта 1867 года, выработанного для поземельного устройства крестьянскаго населенія Европейской Россіи, но оно, какъ сказано въ одной официальной запискѣ, старалось „предотвратить насильственное раздробленіе сложившихся общинъ владѣній и сохранить существующее распределеніе населенія поземельнымъ общинамъ“. Нѣть надобности пространно доказывать, что такое стремленіе какъ нельзѧ болѣе отвѣчаетъ интересамъ самихъ „устраиваемыхъ“, такъ какъ „насильственная ломка“ посторонней силой сложившагося уклада народомъ

не можетъ быть одобрена, конечно: если данная форма общины не удовлетворяетъ болѣе своему назначенію, то община сама въ себѣ найдетъ достаточно творческихъ силъ, чтобы такъ или иначе выйти изъ неудовлетворяющаго ее болѣе положенія, и всякое насильственное вмѣшательство въ ея жизнь со стороны даже въ этомъ случаѣ не можетъ дать иныхъ, кромѣ рѣзко отрицательныхъ результатовъ.

На той же точкѣ зрѣнія стояло и министерство земле-дѣлія и государственныхъ имуществъ, вырабатывавшее, со своей стороны, проектъ поземельного устройства для Сибири, такъ какъ произведенныя имъ предварительныя обслѣдованія „убѣдили“ его „въ полной основательности“ точки зрѣнія иркутскаго проекта „и съ очевидностью доказали необходиомость при будущемъ поземельномъ устройствѣ соображаться съ различными условіями землепользованія внутри нынѣ существующихъ общихъ дачъ и желаніями самого населенія“.

Совершенно иная точка зрѣнія была установлена въ государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи законопроекта о поземельномъ устройствѣ. Здѣсь было принято мнѣніе, что различные формы „общаго землепользованія совершенно не соответствуютъ интересамъ сельско-хозяйственной культуры. Онъ мыслимы лишь при самыхъ низкихъ ступеняхъ ея развитія. Поэтому поддерживать ихъ въ какой-либо мѣрѣ силою закона было бы нежелательно“. Въ виду этого государственный совѣтъ нашелъ необходимымъ „расширить, по возможности, намѣченные проектомъ способы уничтоженія общихъ владѣній и разрѣшить отводъ совмѣстныхъ на нѣсколько селеній надѣловъ лишь въ случаѣ дѣйствительной и безусловной необходимости“. А потому въ правилахъ объ отводѣ надѣловъ должна быть „болѣе рѣшительно выражена та общая мысль, что, въ видѣ коренного начала, надѣлы отводятся каждому селенію особо, и что исключеніе изъ сего допускается въ томъ лишь случаѣ, когда всѣ селенія пользующіяся сообща своими угодьями или же частью главнѣйшихъ изъ сихъ угодій, а именно пашней и сѣнокосомъ, будутъ ходатайствовать объ отводѣ имъ общаго надѣла“ и т. д.

Подъ вліяніемъ этого взгляда и быть выработанъ текстъ нынѣ дѣйствующаго поземельно устроительного закона. Здѣсь,

разумѣется, заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что тамъ, гдѣ первоначальный проектъ стремился лишь оградить сложившіяся формы народной жизни отъ насильственной ломки ихъ со стороны виѣшней, посторонней народу силы, тамъ государственный совѣтъ усмотрѣлъ уже „поддержку силою закона“ нежелательныхъ, съ его точки зрения, явлений въ народной жизни.

Такъ получила осужденіе старая община со стороны нашего законодательного учрежденія, и теперь она терпима лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ какъ зло, которое не могло быть вырвано разомъ. Достигнуто же это лишь незначительной перестановкой словъ въ первоначальномъ проектѣ. Первоначальный проектъ предполагалъ производить надѣлы тѣмъ общинамъ, которая нашли желательнымъ прежнее земельное устройство, если же какая нибудь не пожелала бы остаться въ своемъ прежнемъ составѣ, а нашла бы для себя болѣе удобнымъ распасться на нѣсколько болѣе мелкихъ общинъ, то объ этомъ долженъ быть составленъ общинный приговоръ по большинству двухъ третей голосовъ всѣхъ домохозяевъ. Въ государственномъ же совѣтѣ законъ получилъ такую форму: сложныя общины, желающія получить общіе на всѣ составляющія акты селенія надѣлы, должны составлять по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ домохозяевъ каждого селенія приговоръ о своемъ желаніи сохранить сложную форму своей общины, что допускается лишь въ видѣ исключенія, т. к. надѣль долженъ быть отводимъ каждому селенію въ отдѣльности. Поземельный законъ не желаетъ этой сложной общины, которой должна быть разрушена, онъ знаетъ только общину однодеревенскую, сложная же можетъ быть оставлена имъ лишь въ томъ, по необходимости рѣдкомъ, случаѣ, когда община окажеть упорное нежеланіе подчиниться требованію закона и будетъ настойчиво отстаивать свое право на сложную форму своего землепользованія.

Въ какомъ же „соответствіи“ это бумажное „творчество“ канцелярій находится съ живой дѣйствительностью?

Мы видѣли выше, что какъ иркутскій проектъ закона такъ и министерскій опирались на производившееся передъ тѣмъ специальное мѣстное обслѣдованіе въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ; къ этимъ обслѣдованіемъ, какъ и нѣко-

торымъ другимъ и слѣдуетъ обратиться намъ. Но прежде сдѣлаемъ одно замѣчаніе мимоходомъ: измѣнивъ кореннымъ образомъ первоначальный проектъ надѣленія землей общинъ, государственный совѣтъ тѣмъ не менѣе не могъ не признать именно въ этой части его „вполнѣ оправданнымъ“, т. е. отвѣчающимъ живой дѣйствительности...

Есть много оснований предполагать, что нѣкогда сложная община, иногда весьма крупная, была господствующей формой земельныхъ отношеній въ Западной Сибири, или по крайней мѣрѣ значительной ея части. Къ нашему времени она въ большинствѣ случаевъ подверглась уже разпаденію, образовавъ большое количество однодеревенскихъ и мелкихъ составныхъ общинъ. Болѣе всего крупныя составныя общины, иногда совпадающія съ волостью, сохранились въ Тобольской губерніи, именно въ ея западныхъ уѣздахъ—Туринскомъ. Ялуторовскомъ, Курганскомъ, но встрѣчаются и по другимъ уѣздамъ Тобольской и Томской губерній.

Сохранившіяся сложныя общины, какъ крупныя, такъ и мелкія, не представляютъ собою чего нибудь настолько однороднаго, что оправдывало бы огульное къ нимъ отношеніе въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ этомъ случаѣ наблюдается то же многообразіе формъ, что и вообще въ сфере общинной жизни въ Сибири, и это необходимо имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о землеустройствѣ въ сложныхъ вообще, и въ частности въ волостныхъ общинахъ.

На югѣ Томской губерніи, въ Алтайскомъ округѣ, о формахъ земельной общины въ которомъ мнѣ не разъ приходилось говорить *), въ прошедшемъ также есть основаніе предполагать крупные поземельные союзы многихъ селеній, разпаденіе этихъ союзовъ, отчасти подъ вліяніемъ межевыхъ работъ 20—30 годовъ прошедшаго столѣтія, дало современные формы общинного владѣнія землей. Здѣсь и въ настоящее время сохранилось еще не мало сложныхъ земельныхъ общинъ, въ составѣ которыхъ входитъ иногда до десяти и болѣе деревень. Но здѣсь, вообще говоря, про-

*) „Формы крестьянского землевладѣнія и землепользованія въ Алтайскомъ округѣ“—„Сборникъ правовѣдѣнія и общ. знаній, кн. II и III“ „Горный Алтай и его населеніе“, т. II, Барн. 1901 г. „Материалы по обслѣд. крестьян. и народохоз. Томскаго округа“, т. II, вып. II: „Землевладѣніе и землепользованіе“, Барн. 1898 г., а также и нѣк. др. изд.

цессъ разложения крупныхъ сложныхъ общинъ и обособление болѣе мелкихъ общинныхъ единицъ идеть весьма быстро подъ воздействиемъ разнообразныхъ вліяній, почему поземельно устроительныхъ работъ многія сложныя общины ждутъ съ большимъ напряженіемъ и живѣйшимъ интересомъ. Для нихъ, этихъ ждущихъ общинъ, поземельное устройство должно довершить тотъ процессъ, который въ нихъ совершается и который неизбѣжно долженъ привести къ окончательному распаденію общинъ сложныхъ и обособленію однодеревенскихъ. Процессъ этотъ, какъ и всякий процессъ смѣны и образованія новыхъ общинныхъ формъ, болевой, сопряженный со многими явленіями отрицательного характера. И здѣсь, надо полагать, поземельное устройство въ большинствѣ случаевъ не будетъ вносить никакой ломки въ сложившіяся общинныя отношенія, его работы, дробя дачи сложныхъ общинъ по деревеннымъ отрубамъ, будутъ только совпадать со стремленіемъ самихъ общинъ къ поддеревенному обособленію, его разрушительная роль будетъ лишь окончательнымъ завершеніемъ совершающагося въ общинѣ глубокаго процесса. Поэтому здѣсь поземельное устройство и не будетъ имѣть того противообщественного характера, не будетъ сопровождаться тѣмъ насилиемъ надъ сложившимися формами народной жизни, какими оно отмѣчено въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Сибири, напр., въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тобольской губерніи, гдѣ сложныя общины иногда совпадаютъ въ своихъ границахъ съ волостью.

Несомнѣнно, что для многихъ сложныхъ общинъ и Тобольской губерніи землеустроительные работы имѣютъ такое же значеніе,—это именно тамъ, гдѣ сложная форма общины уступаетъ мѣсто однодеревенской, гдѣ поддеревенное обособленіе общины настолько уже вошло въ сознаніе общинниковъ, настолько назрѣло, что установление новыхъ общинныхъ отношеній является лишь вопросомъ ближайшаго времени. Не нужно забывать, что въ такіе переходные моменты, когда однѣ формы общинъ безповоротно рушатся, а другія еще не нашли своего воплощенія въ реальныхъ отношеніяхъ, жизнь общины сопровождается многими явленіями, дѣлающими ее тревожной и тяжелой. Понятно, какъ для самой общины желательны, въ подобные моменты, такія „мѣропріятія“, какъ поземельное устройство, прекращающее своей

рѣшительностью и окончательностью дѣйствій всѣ недоразумѣнія, возникающія на почвѣ разложенія однѣхъ и образованія другихъ общинныхъ формъ.

Таковы, судя по производившимся изслѣдованіямъ, многія сложныя общины въ Ишимскомъ, Курганскомъ, отчасти Ялуторовскомъ уѣздахъ. Здѣсь процессъ разложенія крупныхъ сложныхъ общинъ и образованіе мелкихъ, подеревенныхъ, начался довольно давно, и былъ, повидимому, отчасти вызванъ переселеніемъ въ Тобольскую губернію значительнаго количества переселенцевъ изъ Евр. Россіи,—т. наз. „киселевскія переселенія“. Къ концу 80 г.г. прошедшаго столѣтія, когда Тобольская губернія была подвергнута со стороны министерства государственныхъ имуществъ экономическому изслѣдованію, въ Курганскомъ уѣздѣ было всего 8, въ Ишимскомъ—7 общинъ—волостей, „но и въ этихъ волостяхъ, говоритъ А. А. Кауфманъ, волостное единство народаилось на пути къ своему распаденію“. Изъ 8 этого рода общинъ Курганского уѣзда къ тому времени только въ четырехъ сохранились предѣлы между составляющими общину селеніями, въ другихъ же процессъ разложенія сложной формы владѣнія не только рѣзко обозначился, но уже и зашелъ въ смыслѣ полеревенного обособленія очень далеко. Въ Ишимскомъ уѣздѣ къ тому же времени хотя и сохранились еще волостныя дачи, но „волостное земельное единство фактически совершенно разрушилось“ *). Трудно сомнѣваться, что съ тѣхъ порь процессъ распаденія всѣхъ этихъ общинъ не продолжался съ тою же неуклонностью, что и ранѣе, но, можетъ быть, съ возрастающей быстротой, т. к. причины, вызывающія распаденіе сложныхъ формъ общинъ, остались тѣ же и даже возрасли,—увеличеніе земельнаго „утѣсненія“, этотъ главнѣйший факторъ эволюціи формъ земельной общинѣ вообще.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ поземельное устройство и здѣсь не встрѣтить серьезныхъ препятствій въ своемъ неуклонномъ стремлѣніи къ разрушенню сложныхъ общинъ и отводу подеревенныхъ надѣловъ, такъ какъ это только будетъ заканчивать и оформливать уже совершившіяся, а въ нѣкоторыхъ

*) *A. A. Кауфманъ*, „Крестьянская община въ Сибири“. Спб. 1897 г.
СИБИРСК, вонр.

случаяхъ еще совершающейся процессъ дробленія крупныхъ и образованіе мелкихъ общинъ.

Но въ томъ же Курганскомъ уѣздѣ въ концѣ 80-хъ годовъ было двѣ волости, которая не только не обнаруживали тенденціи къ подеревенному обособленію, но и совершенно игнорировали самое подеревенное распределеніе своихъ членовъ, и имѣли дѣло непосредственно съ самими домохозяевами; передѣлы земли производились въ нихъ не по деревнямъ первоначально, какъ это практикуется чапце всего сложными общинами, а „непосредственно по домохозяйствамъ, не разбирая принадлежности ихъ къ тому или другому обществу“ *). Въ такихъ общинахъ — будь онъ крупными и даже волостными или мелкими изъ двухъ - трехъ селеній, все равно — если порядокъ землепользованія и до сихъ поръ остался прежнимъ, что весьма вѣроятно,—поземельное устройство, съ его стремлениемъ къ насильственному разрушенію сложной общины, не можетъ быть встрѣчено населеніемъ сколько нибудь сочувственно. Здѣсь отношенія къ поземельному устройству по необходимости будутъ иными, чѣмъ тамъ, гдѣ процессъ подеревенного обособленія сложныхъ общинъ уже успѣлъ сдѣлать крупные шаги впередъ.

Еще большую цѣлостность представляютъ волостныя общины южной части Туринаскаго уѣзда, гдѣ изъ 8 такихъ общинъ въ моментъ обслѣдованія шесть не давали никакихъ признаковъ возникновенія процесса обособленія подеревенныхъ общинъ. „Здѣсь, говоритъ А. А. Кауфманъ, изслѣдовавшій туринскую общину, общинныя формы достигли особенно высокаго развитія, община — волость сохранилось вполнѣ и, повидимому, не проявляетъ признаковъ разложения“. Живучесть въ этомъ уѣздѣ волостной общинъ, по мнѣнію ея изслѣдователя, лежитъ въ двухъ условіяхъ: во-1, въ слабости прироста населенія, оставляющей почти безъ измѣненія числовыя отношенія между количествомъ населенія и площадью находящагося въ его распоряженіи земли, и во-2, въ топографическихъ особенностяхъ мѣстности. Мѣстность такова, что разбить территорію на поселенные отрубы почти невозможно, такъ какъ „лишь при

*) A. A. Кауфманъ: „Кресть. общ. въ Сибири“.

существованиі волостной общини возможно сколько-нибудь удобное и уравнительное распределение угодий между населениемъ этихъ волостей". Существование волостной общини здѣсь, говорить г. Кауфманъ, вызывается самими естественными условіями, влияние которыхъ не перевѣшиваетъ влияния условій, толкающихъ волостную общину къ разложению,— а потому можно думать, что община—волость въ рассматриваемой мѣстности и другихъ ей подобныхъ имѣть всѣ шансы на дальнѣйшее существование и не разрушится безъ какихъ-либо постороннихъ влияний"... Повидимому, въ такомъ же положеніи находятся и нѣкоторыя волостныя общини въ Ялуторовскомъ уѣздѣ, описательная часть котораго въ материалахъ по обследованію не была министерствомъ издана. Знаеть волостную общину и населеніе Тюкалинскаго уѣзда*), известна она населенію и Тарского уѣзда. Сложныя общини, хотя и не столь крупныя, встрѣчаются и во многихъ другихъ уѣздахъ Сибири.

Было бы, конечно, въ высокой степени печальнымъ фактомъ, если бы „постороннимъ влияниемъ“, о разрушающей роли котораго говорить г. Кауфманъ, явилось для такихъ общинъ, какъ туринскія, поземельное устройство, въ отношеніи котораго была допущена, какъ мы видѣли, предвзятая точка зрѣнія при самомъ составленіи закона: на поземельное устройство возлагалось задачи охранить сибирское населеніе отъ тлетворнаго влияния сложныхъ формъ общини, которыя „не соответствуютъ интересамъ сельскохозяйственной культуры“... Той же тенденціей проникнуты и нѣкоторые изъ г.г. землеустроителей.

И какъ это можетъ быть ни печально, съ точки зрѣнія насущныхъ интересовъ самого туринскаго населенія, тѣмъ не менѣе разрушеніе волостной общини въ Туринскомъ уѣздѣ поземельнымъ устройствомъ—лишь вопросъ времени. Намъ могутъ замѣтить, что Туринскій уѣздъ пока еще не включенъ въ число „устраиваемыхъ“ уѣзовъ Сибири. Это такъ, конечно, но аналогичную картину туринской волостной общини представляютъ нѣкоторыя общини Ялуторовскаго уѣзда, где поземельное устройство уже нѣсколько

*) См. мою статью въ „Вост. Обозр.“ за 1887 г.. №№ 15—26: „Очеркъ формъ пользованія землей у крестьянъ Тюкалинскаго округа“.

лѣть какъ „открыто“ и гдѣ оно, уже успѣло разрушить нѣкоторыя волостныя общины; разрушеніе другихъ—стоить на ближайшей очереди.

Во всѣхъ случаихъ, когда волостная община далека отъ тенденціи къ распаденію, населеніе вездѣ будетъ стремиться сохранить сложныя формы общиннаго владѣнія и пользованія землею. Поземельному устройству придется съ этимъ не только считаться, но оно должно найти путь къ тому, чтобы его работы не шли въ разрѣзъ съ желаніями самого населенія, въ интересахъ котораго, нужно полагать, предприняты были и самыя поземельно-устроительныя работы.

А какова въ этомъ смыслѣ была практика поземельного устройства до сихъ поръ, объ этомъ можно судить по нѣсколькимъ фактамъ.

Въ Курганскомъ и Ялуторовскомъ уѣздахъ нѣкоторыя волости - общины расположены по рѣкѣ Тоболу, при чёмъ всѣ селенія находятся у самой рѣки, сѣнокосы на прирѣчной долинѣ, а пашни на такъ называемыхъ гравахъ; при этомъ „свойство угодій опредѣляется ихъ разстояніемъ отъ рѣкъ, хозяйственная же годность пашень, въ виду начинающагося перехода къ навозному удобренію, опредѣляется еще и разстояніемъ ихъ отъ селеній“. Положеніе этихъ общинъ одинъ официальный источникъ, которымъ я пользуюсь, рисуетъ въ такихъ чертахъ: „Естественно, что если селенія скучены по рѣкамъ, то лишь незначительная часть пашень будетъ прилегать къ селеніямъ, и что выгонныя земли, смежность которыхъ съ водопоемъ вызывается необходимостью, еще больше уменьшаютъ количество подворныхъ пашень. Пока существовало здѣсь волостное землевладѣніе, вліяніе указанныхъ причинъ ослаблялось при помощи періодическихъ переверстокъ отдѣльныхъ участковъ между селеніями, при окончательномъ же размежеваніи на поселенные отрубы неудобства эти становятся уже неустранимыми“.

Раздѣленіе же волости при поземельномъ устройствѣ на поселенные отрубы, по свидѣтельству того же официальнаго источника, совершенно измѣняетъ картину, что видно, напр., въ Лыбаевской и Иковской волостяхъ Ялуторовского уѣзда, „гдѣ каждое селеніе должно будетъ получить послѣ землеустройства узкую полосу земли шириною въ 1 — 2

версты, длиною въ 15—30 верстъ, а иногда по нѣсколько участковъ чрезполосно съ участками другихъ селеній", при этомъ всѣ селенія волости расположены на концахъ этихъ лентъ, тянущихся отъ рѣки на гравѣ. Такимъ образомъ, получается чрезвычайное длинноземліе, сохраняется и въ настоящее время существующая чрезполосица и создается положеніе, при которомъ „въ недалекомъ будущемъ, когда расположенные на крайнемъ концѣ длиннаго и узкаго надѣла пашни, лежащія за 20 и болѣе верстъ отъ селенія, выпадутся, населеніе въ силу необходимости вынуждено будетъ приступить къ унаваживанію ихъ, между тѣмъ, возить сюда навозъ при такомъ значительномъ разстоянії будеть убыточно и едва ли возможно. Поэтому крестьяне вынуждены будутъ переселяться къ пашнямъ, переселеніе же въ значительной степени будеть затрудняться тѣмъ, что на узкомъ отрубѣ нельзя будеть сформировать для переселяющихся удовлетворительное мѣсто поселенія, въ особенности при томъ условіи, что естественные водовмѣстища необходимо попадуть въ немногія изъ указанныхъ мѣсть“.

Таковы результаты поземельного „устройства“ нѣкоторыхъ сложныхъ общинъ, и, нужно думать, съ бюрократической точки зрѣнія, не желающей знать жизни и считаться съ ея требованіями, эти результаты, вполнѣ „соответствуютъ интересамъ сельско-хозяйственной культуры“, что, „прежде всего, излишне доказывать“ даже...

Но это, конечно, не всѣ неблагопріятныя послѣдствія предвзятыхъ отношений къ народной жизни и ея формамъ, сказывающихся въ дѣйствующихъ правилахъ о поземельномъ устройствѣ сельского населенія Сибири. Но мы не будемъ на нихъ задерживать вниманіе читателя, такъ какъ для нашей цѣли достаточно и сказанного. Отмѣтимъ еще только одно обстоятельство: по признанію того же официального документа, которымъ мы уже пользовались, разрушающее въ настоящее время волостные общины поземельное устройство, дробя волостные дачи на поземельные отрубы, „ставить непреодолимую преграду тому весьма желательному процессу разселенія отъ рѣкъ вглубь надѣловъ, стремленіе къ которому подъ вліяніемъ растущей потребности въ унаваживаніи уже сказывается теперь и проявится съ еще большей силой въ недалекомъ будущемъ, когда

переходъ къ навозному удобренію будеть неизбѣженъ". Разселеніе же въ волостной дачѣ вполнѣ возможно. Въ той же Лыбаевской вол. быль нѣсколько лѣтъ назадъ образованъ поселокъ на дальнихъ пашняхъ крестьянами с. Широкоплечевой, который поземельнымъ устройствомъ быль уничтоженъ, когда тамъ были „открыты работы“.

Г. Ушаковъ въ выше цитированной статьѣ приходитъ къ заключенію, что „раздѣлъ волостныхъ владѣній представляется свое времененнымъ и цѣлесообразнымъ“. Г. Ушаковъ, какъ это ни странно, подошелъ къ вопросу съ межевой точки зрѣнія. Между тѣмъ даже и съ этой исключительной и мало законной точки зрѣнія на общину, существующуюшая форма „волостного владѣнія“ съ его, можетъ быть, громоздкими, но весьма рациональными пріемами, оказала крупную услугу даже поземельною „устройству“, которое въ настоящее время почти сводится къ межеванью, а въ Тобольской губерніи даже только къ закрѣпленію границъ существующаго землепользованія. Объ этой услугѣ мы можемъ судить по слѣдующему официальному признанію. Въ Якуторовскомъ уѣздѣ въ общинахъ Заводоуковской и Ново-заимовской передѣлъ быль произведенъ въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія (правда, подъ воздействиемъ администраціи, населеніе же привыкло волостные передѣлы пріурочивать къ ревизіямъ), въ Лыбаевской же такого передѣла произведено не было. Въ первыхъ двухъ изъ этихъ волостей поземельное устройство закрѣпило „почти безъ значительныхъ измѣненій существующее землепользованіе“ (установленное передѣломъ), передѣлъ сдѣлалъ „большую подготовительную работу для землеустройства“, тогда какъ въ Лыбаевской волости, гдѣ передѣла давно не было, оно встрѣтило большія затрудненія.

Къ чему приводить на практикѣ законъ, признающій только одну общину—однодеревенскую, сложную же рассматривающій, какъ крупное зло, допустить существование котораго возможно лишь при исключительныхъ условіяхъ,— можно видѣть изъ того, напр., факта, что въ Курганскомъ уѣздѣ неоднократно бывали случаи, когда „одно изъ двухъ имѣющихъ общее землепользованіе селеній“ желало получить самостоятельный надѣлъ, выдѣлъ котораго не представлялся возможнымъ съ сохраненіемъ справедливости относительно

другого, а иногда и другихъ селеній. Въ этихъ случаяхъ отводилась общая дача, т. е. сохранялась сложная форма общини, такъ какъ это противорѣчило бы закону, не допускающему сохраненія сложной общини, если хоть одно селеніе не желаетъ этого, то просящее о раздѣлѣ селеніе комиссія признавала „несамостоятельнымъ и отводила общей надѣль“, что однако, слѣдующей инстанціей опровергивалось. Въ Черемуховской волости Балаганского уѣзда, вопреки выраженного въ приговорѣ крестьянъ, чтобы с. Черемуховскому и его 28 заемкамъ быть отведенъ общей надѣль, чины поземельного устройства настойчиво стремились къ выдѣлу трехъ заемокъ въ самостоятельный общини, остальные 25 должны были сами собой уничтожиться. Въ концѣ концовъ гг. чиновникамъ, такъ охотно кромсающимъ формы народной жизни, все же пришлось сдѣлать такъ какъ желало этого „устраиваемое ими“ населеніе, т. е. отвести общую дачу на селеніе и его 28 заемокъ. Любопытна мотивировка такого надѣла: „отдѣленіе этими заемокъ отъ с. Ч. было проектировано въ 5 отрубахъ, но при проложеніи раздѣленныхъ границъ пришлось воочию увидеться какъ въ трудности раздѣловъ, такъ и въ ущербъ, причиняемомъ населенію этими раздѣлами“.. Если бы гг. чиновники внимательнѣе прислушивались къ жалобамъ населенія и приглядывались къ его нуждамъ, то имъ гораздо чаще приходилось бы признаваться, что дѣятельность даже наиболѣе благотворительно настроенныхъ изъ нихъ въ вопросахъ „устройства“ крестьянского благополучія влечетъ за собою только „ущербъ“ въ разнообразнѣйшихъ его проявленіяхъ. Но предвзятая точка зрѣнія и увѣренность въ собственной чиновничьей непогрѣшимости не позволяетъ такъ просто подойти къ вопросу... Да иначе, конечно, и быть не можетъ: для этого нужно стать въ иные отношенія къ самому поземельному устройству, чѣмъ тѣ, какія для нихъ предписываются теперь закономъ и различными „инструкціями“ и „правилами“, выработанными „въ развитіе закона“...

Мы уже слышали мнѣніе лица, непосредственно изучившаго волостную общину въ Тобольской губ.—А. А. Кауфмана, который находитъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ „существование волостной общини здѣсь (т. е. въ Тоб. губ.)

вызывается самыми существенными условиями, вліяніе которыхъ перевѣшиваетъ вліяніе условій, толкающихъ волостную общину къ разложенію". То же самое и съ тою же категоричностью слѣдуетъ сказать и вообще о сложныхъ общинахъ, независимо отъ ихъ величины и совпаденія или несовпаденія съ волостью или земскимъ обществомъ: сложная община, какъ и всякая другая, вызывается къ жизни самими насущными интересами населенія, ими опредѣляются ея формы и регулируется ихъ смѣна и развитіе. И это нужно каждому, подходящему къ вопросамъ народнаго землевладѣнія, не только такъ и понимать, но всегда и помнить.

Община, а въ частности волостная ферма, принадлежитъ къ явленіямъ весьма сложнымъ, характеризуемымъ многообразiemъ формъ, не допускаетъ къ себѣ огульного отношенія, почему и не возможно предвзятое общее рѣшеніе—сохранить общину, или такую-то ея форму, или, напротивъ, уничтожить ее во имя какого нибудь отвлеченаго принципа.

Было бы весьма печально, если бы поземельное устройство, производимое въ настоящее время въ Сибири, вместо того, чтобы устранить нѣкоторыя препятствія, мѣшающія правильному развитію формъ народной жизни, въ родѣ бесконечныхъ земельныхъ споровъ между общинами, вызываемыхъ главнымъ образомъ прежними межеваньями и другими вмѣшательствами въ народную жизнь администраціи,—вместо этого внесло бы въ народную жизнь Сибири лишь новую ломку ея земельныхъ отношеній, явились бы лишь новымъ административнымъ экспериментомъ, не приведеннымъ въ согласованное съ желаніями самого "устраиваемаго" населенія.

Поземельное устройство должно идти за жизнью, за сложившимся уже фактамъ, а не стремиться забѣжать ему впередъ и исковеркать жизнь по своему. Не искусственно уничтожить общину вообще, или какую нибудь ея форму, должно поземельное устройство—это не его дѣло, а внести въ жизнь деревни болѣе устойчивости черезъ упроченное ея землевладѣнія. Но это возможно сдѣлать безъ крупнаго ущерба населенію, безъ крупнаго зла обойти лишь при условіи, если поземельное устройство прежде всего будетъ считаться съ интересами и стремленіями самого населенія, а не смотрѣть

на него лишь какъ на матеріалъ для всевозможныхъ бюрократическихъ экспериментовъ.

Въ этомъ смыслѣ долженъ быть измѣненъ не только законъ о поземельномъ устройствѣ, но измѣнена также и самая постановка работъ по „устройству“ въ томъ направлении, чтобы въ нихъ могло принимать активное участіе само населеніе, т. е. именно тѣ, кого въ дѣйствительности поземельное устройство только и касается. Только тогда поземельное устройство можетъ стать дѣйствительно устройствомъ, т. е. дать въ результатѣ извѣстное благо, только въ такомъ случаѣ затрачиваемые на него миллионы будутъ израсходованы производительно и самое расходование ихъ можетъ быть оправдано.

Мы здѣсь имѣли возможность коснуться лишь одной стороны, лишь одного момента въ приложеніи поземельного строительного закона къ жизни; но изъ этого нельзя дѣлать заключенія, что въ другихъ отношеніяхъ онъ вполнѣ согласованъ съ нею. Разсматривать это подробно здѣсь мы не могли, не располагая для этого ни достаточнымъ временемъ, ни мѣстомъ.

С. Швецовъ.